

ФЕДОР В. НИКОЛАИ¹

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина, Россия

ORCID: 0000-0002-8876-9441

**«Помните подвиг ваших предков»
vs. «Здесь нет будущего»:
индустриальная память и ее
носители в малых городах Урала**
Рецензия на книгу:

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В.,
Прямикова Е. В. (2022)

Индустриальная память: масштабы
и множественность. Екатеринбург:
Издательство Уральского
университета, 2022²

298

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-298-306

Вопросы политики памяти, изменения практик коммеморации в пространстве медиа, взаимоотношения коллективной памяти и академической историографии обсуждаются в рамках memory studies довольно давно и активно [Зверева 2021; Репина 2021; Политика памяти в современной России 2020]. На этом фоне две важных проблемы редко привлекают внимание исследователей: качествен-

---

1 Федор Владимирович Николаи — доктор философских наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. E-mail: fvnik@list.ru

Feodor V. Nikolai — PhD, Senior Research Officer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). E-mail: fvnik@list.ru

2 Текст подготовлен при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00311.

Acknowledgments: The text was written with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00311.

ная трансформация памяти при переходе от индустриальной к консьюмеристской культуре, а также неразрывная взаимосвязь этих изменений с политикой времени — переходом от ориентированного в будущее «горизонта ожиданий» к господству презентистского темпорального режима [Симон 2021; Линченко, Головашина, Аникин 2019]. Рецензируемая книга М. Н. Вандышева, Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой находится на перекрестке этих двух актуальных проблем.

Авторы справедливо отмечают, что социально-культурным контекстом распространения и функционирования мемориальной культуры в Западной Европе с 1980-х гг. становится джентрификация городского пространства, тогда как в России эта джентрификация переплетается с ре-индустриализацией и ностальгией по советскому индустриальному наследию. «В каждом городе существует собственный подвижный баланс “старой” и “новой” индустриальности, в лучшем случае можно говорить о его смещении в ту или другую сторону...» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 29]. Подобное наложение контекстов формирует палимпсест современной городской культуры, слои и смыслы которой важно дифференцировать. На Урале индустриальная культура кроме советского наследия имеет мощный досоветский пласт XVIII — начала XX века, а также оказывается востребованной в связи с развитием новых индустрий. Однако в центре памяти и «ментальных карт» для большинства жителей региона по-прежнему остаются позднесоветские индустриальные предприятия 1950–1980-х гг. На этом фоне авторы книги выделяют разные трактовки новой индустриальности информантами: «1) новая как недавно созданная; 2) новая как соответствующая некоему высокому уровню; 3) новая как особая, уникальная; 4) экологически и социально ориентированная. Нередко в рассуждениях одного информанта встречался целый набор характеристик, включающих несколько из этих типов. <...> При этом новое везде воспринимается как заведомо лучшее, продвинутое и продвигающее, т. е. в целом благотворное для всего остального — горожан, окружающей среды и т.п.» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 70, 73].

Такая ре-индустриализация либо идущая параллельно ей джентрификация городской жизни сопровождаются трансформацией практик коммеморации. И главная задача, которую ставят перед собой авторы книги, — обозначить векторы изменений этих практик. Коллективная память индустриального общества несет отпечаток характерных для эпохи модерна процессов: стандартизации, специализации, синхронизации, централизации и т. д. Эта память кажется «короткой» — заикленной на периоде 1950–1980-х гг., ориентированной на национальный уровень и весьма милитаризованной: военное наследие в музеях Урала (где не было войны) часто ока-

зывается важнее, чем индустриальная и культурная сферы. Однако параллельно с сохранением такой индустриальной модели и соответствующего ностальгического нарратива развиваются и другие практики, формирующие специфические сообщества памяти.

Чаще всего в рамках *memory studies* рассматриваются коммеморативные практики, действующие на уровне семьи, поколения, нации и глобальных сообществ. Авторы книги переносят акцент на городские сообщества памяти, которые достаточно редко становятся объектом пристального внимания, особенно в отечественных исследованиях, ориентированных на анализ взаимоотношений национальной и транснациональной памяти [Bondebjerg 2020; Прошлое для настоящего 2020]. В основе их формирования оказывается переплетение личных и коллективных стратегий памятования, включая эстетизированное потребление, критическую проблематизацию перспектив трудоустройства или рационализацию выбора будущего в конкретном городе. Особенно актуальной такая проблематизация будущего оказывается в малых и средних городах Уральского региона — Серове, Верхней Салде, Алапаевске, Заречном (Свердловская область), Златоусте, Сатке (Челябинская область), Добрянке, Соликамске (Пермский край). Подавляющее число молодых людей здесь не хотело бы работать там же, где их родители. Большинство из них хотело бы сменить профессию и уехать в другой российский город (53,4%) или за границу (13%) [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 125]. В качестве условного «послания потомкам» или «капсулы времени», которую им предложили составить авторы книги, многие ребята пишут: «Бегите»; «Поздравляю! Вы в ДЕРЬМЕ!» «Уезжайте в другие города»; «Уважаемые потомки, если вы выжили и проживаете в Верхней Салде, пожалуйста, уезжайте отсюда, пока не поздно. Здесь нет будущего» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 161].

Тем не менее, как показывают авторы, противопоставлять популярный среди молодежи интерес к деиндустриализации и ностальгию старшего поколения по позднесоветской индустриальности вряд ли корректно. Общие сюжеты, объединяющие память разных поколений, связаны с Великой Отечественной войной и признанием значимости локального индустриального наследия. Переплетение разных нарративов и практик коммеморации требует от исследователей постоянной проблематизации своих выводов. «Есть немалый соблазн разделить помнящие сообщества, мнемонических акторов на институциональных (в зоне охвата настоящего исследования — муниципальные органы власти, предприятия, учреждения образования, музеи, СМИ, сообщества краеведов) и неинституциональных (“обычные” горожане). Похоже, однако, что это не самый удачный путь, поскольку “обычные” молодые люди,

участники групповых дискуссий, представляли перед нами как учащиеся своих школ, студенты колледжей, т. е. в определенной институциональной роли. <...> Не отказываясь совсем от этого деления, более предпочтительной считаем характеристику акторов по видам и практикам памяти, а также в системе “человеческие” (human: индивиды, группы) — “не-человеческие” (non-human: монументы, здания, ландшафты, живые существа)» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 76].

Важно отметить, что в качестве методов социологического исследования авторы книги используют не только полужормализованные интервью, ментальные карты, событийные ряды, но и специфический формат «капсул времени». Контекстом его использования стало вскрытие капсул, заложенных в 1967 году к 50-летию Октябрьской революции и сильно отличающихся по своему языку и видению истории XX века. В частности, они почти не упоминают Вторую мировую войну, а события 1917 года выступают в них кульминацией мировой истории. Сегодня же, наоборот, революция выпадает из памяти информантов, а Великая Отечественная активно тематизируется. Несмотря на преобладание критических посланий, часть которых была процитирована выше, у значительной части информантов преобладает позитивный настрой. Авторы исследования выделяют четыре сценария, «среди которых два полярных: 1) “Все плохо” и 2) “Все хорошо”; два промежуточных: 3) “Решение проблем” и 4) “Отдаленное будущее”, а также разнообразные их комбинации» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 161]. Несмотря на полярность оценок, большую их часть объединяет ожидание изменений существующей ситуации или тех недостатков в жизни города, фиксируемых информантами в настоящем. Сценарий «Решения проблем» становится продолжением критического «Все плохо», добавляя к нему позитивный антитезис. Например, школьник из Верхней Салды видит настоящее в мрачных тонах, но обозначает направления необходимых изменений: «Привет, люди из 2118. Я вам пишу из 2018 г. На данный момент обстановка в городе ужасная! Образование = 0, места для развития общества = 0. Никакого перспективного и карьерного роста! Я надеюсь, что к 2118 г. у вас будет постиндустриальное общество, больше будет для детей и людей в принципе, экологичность на высоте. А если всего этого не будет, то бегите отсюда» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 163]. Один из информантов в г. Заречном активно использует иронию, но обозначает и перспективы отдаленного будущего: «Привет, надеюсь, у вас машины уже летают и вы колонизировали другие планеты. У нас президент Путин. Меня зовут Сережа, мне 20 лет (мем). А если серьезно, то у нас в г. Заречный есть БАЭС. Первая АЭС на быстрых нейтронах. Старайтесь познавать что-то новое, самореализовать-

ся в физическом и духовном плане. Держи цветочек [изображение цветка]. Что бы я хотел увидеть у вас, это как вы обосновались, так скажем, в космосе, как далеко вы смогли зайти, что узнали о черных дырах и установили ли контакт с неземной цивилизацией» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 166]. Показательно, что субъектной роли в возможных изменениях молодежь себе не отводит, но скорее с пессимизмом или оптимизмом ожидает каких-то внешних воздействий на свою жизнь или судьбу своего города. Это также работает на основной тезис авторов книги о размытости рамок памяти, носители которой фактически отказываются от роли самостоятельных акторов.

К возможным недостаткам исследования можно отнести излишнюю метафоричность стиля авторов в первой (теоретической) главе, напоминающей работы М. Хальбвакса: «Множественность и потенциальная противоречивость — первый сущностный аспект социальной памяти, выражаемый метафорой супермаркета. Второй аспект — манипулируемость: товары памяти-супермаркета легко менять местами, задвигать на задний план или выпячивать, их ценность может значительно колебаться по самым разным поводам. Наконец, третьей чертой является навязчивость, доходящая до тирании памяти: предложение, усиленное рекламой, бывает весьма агрессивным, а товары разных производителей, случается, вступают в жестокую конкуренцию; итогом становится булимия, пресыщение и утрата чувствительности со стороны потребителей» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 22]. Подобные фрагменты кажутся слишком абстрактными, оторванными от социологических исследований в основной части книги.

302

Важным вопросом, который поднимают авторы, хотя не очень четко обозначают свою позицию по этому поводу, становится использование метафоры «травмы» применительно к процессу деиндустриализации в 1990-е гг. и его субъективному восприятию жителями небольших уральских городов. Проблематика распада СССР и ностальгия по советскому прошлому находятся в центре общественного сознания и официальной политики памяти в современной России. Но метафорика травмы предполагает акцент на субъективные переживания — симптомы, в основе которых могут лежать очень разные причины: критика социальной несправедливости, конформизм по отношению к политике памяти в СМИ, автобиографические воспоминания о потере работы или идеализация своей молодости. Язык *trauma studies* во многом редуцирует этот сложный комплекс вопросов к психологическим факторам. Как известно, американский президент Герберт Гувер называл экономический кризис 1929–1933 гг. «депрессией», снимая вопрос о необходимости ревизии государственной внутренней политики

и масштабных социальных программах поддержки населения. Важно подчеркнуть, что сами информанты понятие травмы, видимо, не используют — эта метафора предлагается исследователями на уровне интерпретации, меняя язык и ракурс анализа воспоминаний жителей малых городов Урала. Гораздо ближе их собственным словам представляется понятие зияния или лакуны: «Еще один смысл, который приобретает зияние в нашем случае, это провал, пустота в ткани городского пространства. Как нам уже приходилось писать, остановка и закрытие заводов привели к появлению значительных пустот в пространстве города. В Алапаевске градообразующий металлургический завод был основан в 1704 г. и просуществовал до 2018 г. Во время посещений Алапаевска в 2019 г. нам указывали на забор, ограждающий место завода, цеха и оборудование которого разобраны и сданы в переработку. В пространстве города образуется “незавершенное” место, прежние смысловые значения которого перестали быть актуальными, а новые так и не возникли, — эта ситуация типична для многих городов Урала» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 48]. В отличие от травмы метафора лакуны в большей степени признает разрыв, чем возможность «исцеления». Она не претендует на статус строгого понятия и потому, на наш взгляд, может быть более продуктивной для проработки или рефлексивного осмысления прошлого. Это рефлексивное осмысление вслед за С. Бойм можно противопоставить институционализированному стремлению к механическому повторению прошлого — например, попыткам воскресить советский мобилизационный проект с его материальным производством, внешними границами и политической риторикой холодной войны.

303

Другой спорной стороной языка травмы становится ее зонтичный характер — использование этого словаря в широком диапазоне применительно к жертвам геноцидов, войн и катастроф XX века. При этом вопрос о том, корректно ли называть травмой потерю близких и потерю работы, пытки и «крушение иллюзии постоянства» [Вандышев, Веселкова, Прямикова: 48], ставит под сомнение валидность этого зонтичного понятия. На наш взгляд, метафорика лакуны, разрыва и в меньшей степени травмы продуктивна лишь как первый шаг в проработке прошлого, вслед за которым должно идти признание невозможности вернуться к мифологизируемой позднесоветской стабильности и констатация неопределенности современных стратегий социальных взаимодействий. Полностью избавиться от этой неопределенности невозможно, а эксплуатировать ее в духе неолиберальной «жизнестойкости» — слишком цинично. Более продуктивно, на наш взгляд, говорить о ее ограниченности и обсуждать горизонты ожиданий, характерные для «новой индустриальности» либо джентрификации, — насколько они могут

сосуществовать и взаимодействовать без радикальных противоречий, интегрируя пространство старого индустриального наследия.

Авторы книги выделяют две стратегии такого взаимодействия. В первом случае (в Сатке, Верхней Салде, Первоуральске) для работающих предприятий предполагается реиндустриализация, ориентированная на создание нескольких высокотехнологичных производств сходного профиля. Во втором случае заводы и промзоны превращаются в креативные пространства, торговые и жилые районы, старающиеся стилистически обыграть свое индустриальное прошлое. Важно подчеркнуть, что такого рода перекодирование продуктивно работает не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в городах-миллионниках (Екатеринбурге, Перми, Нижнем Новгороде и др.), а также в областных центрах и малых городах — Сатке, население которой лишь немного превышает 40 тыс. человек, или Сысерти с 21 тыс. жителей. Значительная часть книги посвящена описанию этих новых стратегий и рефлексии как авторов, так и их собеседников над наследием индустриального проекта (советского и не только), а также его перспективами в будущем, что представляется сегодня вопросом номер один для всего российского общества.

304

Возможно, переплетение практик коммеморации связано не только с наложением индустриальной памяти эпохи модерна и консьюмеристской памяти постиндустриального общества, но и с более тонкими процессами — эстетизацией прошлого, усилением реконструктивистской эпистемологии и формированием нового типа субъективности, размытой в условиях растущей неопределенности [Munslow 2019]. Этот комплекс новых отношений и взаимосвязей существенно меняет коллективную и культурную память, осмысление которой в 1980-е гг. было связано прежде всего с проблематикой этической ответственности и важности публичной сферы. И рецензируемая книга дает прекрасный материал для обсуждения этих изменений. Не менее важным вопросом представляется и переосмысление событий 1990-х гг. не столько как «лихих» или связанных с «травмой» распада СССР, но как перехода от советской модели индустриального общества к позднему модерну с его сочетанием джентрификации, ностальгии и развития новой индустриальности в условиях неустрашимой неопределенности, от которой мы не можем избавиться. Особенно если хотим, чтобы будущее отличалось от столь конфликтного настоящего.

Библиография / References

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2022) *Индустриальная память: масштабы и множественность*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

- Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) *Industrial Memory: Scales and Multiplicity*, Yekaterinburg: Ural University Press. — in Russ.
- Зверева Г. И. (2021) Память о прошлом в цифровой среде: когнитивные ориентиры для исторического исследования. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 12 (8): 7.
- Zvereva G. (2021) Remembrance of the Past in a Digital Environment: Cognitive Landmarks for Historical Research. *Istoriya*, 12 (8): 7. — in Russ.
- Линченко А. А., Головашина О. В., Аникин Д. А. (2019) От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире. *Вопросы философии*, (5): 49-58.
- Linchenko A., Golovashina O., Anikin D. (2019) From Market to Bazaar: Metamorphosis of Commercialization of the Past in the Modern World. *Voprosy filosofii*, (5): 49-58. — in Russ.
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета, 2020.
- The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe / Ed by A. I. Miller, D. V. Efremenko. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2020. — in Russ.
- Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.
- The Past for the Present: Historical Memory and Narratives of National Identity / Ed. by L. P. Repina. Moscow: Akvilon, 2020. — in Russ.
- Репина Л. П. (2021) Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы». *Уральский исторический вестник*, (2): 6-16.
- Repina L. P. (2021) Memory and Heritage in a Crusade against History, or the Birth of a “Memorial Paradigm”. *Ural Historical Journal*, (2): 6-16. — in Russ.
- Симон З. В. (2021) Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности. *Логос*, (143): 219-246.
- Simon Z. V. (2021) The Transformation of Historical Time: Processual and Eventual Temporalities. *Logos*, (143): 219-246. — in Russ.
- Bondebjerg I. (2020) *Screening Twentieth Century Europe: Television, History, Memory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Munslow A. (2019) *The Aesthetic of History*. New York: Routledge.

Рекомендация для цитирования:

Николаи Ф. В. (2022) «Помните подвиг ваших предков» vs. «Здесь нет будущего»: индустриальная память и ее носители в малых городах Урала. Рецензия на книгу: Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2022) *Индустриальная память: масштабы и множественность*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. *Социология власти*, 34 (3-4): 298-306.

For citations:

Nikolai F. V. (2022) «Remember the Deed of Your Ancestors» Vs «here Is No Future»: Industrial Memory and Its Carriers in Small Cities of the Urals. Book Review: Vandyshchev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2022) Industrial Memory: Scales and Multiplicity. Yekaterinburg: Ural University Press. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 298-306.

Поступила в редакцию: 19.09.2022; принята в печать: 05.10.2022

Received: 19.09.2022; Accepted for publication: 05.10.2022